

Архимандрит Феофан (Александров)

К 200-летию со дня рождения

Исполняется двести лет со дня рождения церковного композитора первой половины XIX века архимандрита Феофана (Александрова). Музыка его и поныне пользуется в Русской Церкви самой широкой известностью. Можно с уверенностью утверждать, что нет храма, в котором не звучали бы песнопения архимандрита Феофана.

Значительно менее известен архимандрит Феофан как один из самых видных церковных деятелей своего времени. С его именем связаны многие важные события в истории Русской Церкви, в частности в области русского духовного просвещения. Он был первым ректором Казанской и Ярославской Духовных Семинарий, первым профессором богословия в Казанском университете. В период его настоятельства заметного преуспеяния достиг Московский Донской монастырь.

Архимандрит Феофан (в миру Феодор Александров) родился в 1785 или 1786 году в селе Городище, бывшего Каширского уезда Московской губернии, в семье дьячка. Учился в Троице-Сергиевской Духовной Семинарии вместе с Василием Дроздовым, впоследствии митрополитом Московским Филаретом; когда была учреждена Вифанская Духовная Семинария, он вместе с В. Дроздовым перешел в нее.

Митрополит Московский Платон (Левшин; †1812), основавший Вифанскую Семинарию, заботился не только о богословском и нравственном образовании будущих пастырей, но и их церковно-музыкальном образовании. Он говорил: «Я верю, что из стен этого заведения будут выходить достойные пастыри Церкви, но я бы еще желал, чтобы Семинария подготовила таких знатоков церковного пения, которые могли бы переложить на четыре голоса древние напевы Обихода, Ирмология и Октоиха» (цит. по: 4, с. 39).

Еще в Семинарии Феофор Александров проявил незаурядные способности и большую любовь к церковной музыке. «Отец протоиерей, — вспоминал впоследствии архимандрит Феофан о своем преподавателе пения, — научил меня не только разбирать ноты, но и чувствовать дух обиходного церковного пения». Феофор Александров также обучался в Семинарии у украинского музыканта Гудило на игре на скрипке и гусях.

В 1807 году Феофор Александров закончил Вифанскую Семинарию, и митрополит Платон назначил его регентом лаврского митрополичьего хора, а также учителем латинского языка в Троице-Сергиевской Семинарии.

В числе лучших преподавателей, среди которых был и иеродиакон Филарет (Дроздов), Феофор Александров в 1809 году был вызван в Петербург и назначен учителем высшего класса в Александров-Невское Духовное училище. В училище он преподавал латинский и греческий языки, священную историю, катехизис и церковное пение. Одновременно он преподавал риторику, греческий язык и гомиетику в Армейской Семинарии. Всегда сдержанный в суждениях, митрополит Филарет (тогда архимандрит) дал о нем такой отзыв: «Совершенно сведущ в предметах, к преподаванию

очень способен и к пользам учеников усерден» (1, с. 461).

В 1812 году Феофор Александров принял монашество с именем Феофан и был назначен ректором Александров-Невского Духовного училища и инспектором С.-Петербургской Духовной Семинарии, где преподавал также философию. В 1813 году иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Сквородского Михайловского монастыря Новгородской епархии с оставлением в прежних должностях. Ему было в то время 27 лет.

В 1814 году архимандрит Феофан был назначен ректором и профессором богословия Ярославской Духовной Семинарии и настоятелем Ростовского Борисоглебского монастыря, а в 1816 году перемещен настоятелем Домницкого Рождество-Богородицкого монастыря. В январе 1817 года он получил назначение на должность профессора Черниговской Духовной Семинарии.

30 июля 1817 года архимандрит Феофан был переведен в г. Казань наместником Казанского Спасо-Преображенского монастыря, а 3 сентября того же года назначен ректором и профессором Казанской Духовной Академии.

В 1818 году Казанская Академия была преобразована. В соответствии с учебным уставом 1808 года она получила наименование Семинарии, причем преподавательский состав существенно обновился. Архимандрит Феофан вновь был назначен ректором, как единственный достойный кандидат на эту должность. Естественно, что на него и легла основная тяжесть трудов по устройству Семинарии. Он ревностно и терпеливо проводил необходимые реформы. Третью своего ректорского жалования он отдавал на нужды воспитанников, за собственный счет устроил для ученического общежития флигель в Спасском монастыре, а в 1829 году основал Комитет для призрения бедных учеников Казанской Семинарии и низших подведомых оной училищ.

Архимандрит Феофан был талантливым педагогом, одним из самых одаренных преподавателей богословия своего времени. Он составил на латинском языке* «Записки по умозрительному [то есть догматическому] богословию», по которым и читал лекции. Об этом сочинении сохранились похвальные отзывы современников, один из которых — архимандрит Евлампий отмечал, что в «Записках...» видны «опытность сочинителя, ясность, доказательность и чистота богословского духа» (цит. по: 2, с. 349).

14 декабря 1819 года архимандрит Феофан был назначен по совместительству профессором Казанского университета, где стал преподавать академический курс богословия по своим «Запискам...», переведенным на русский язык. В должности профессора университета он состоял до 1823 года. Он был также членом Российского Библейского Общества, Общества любителей русской словесности, на

* В то время в Духовных школах в преподавании употреблялся латинский язык.

протяжении многих лет состоял членом Казанской Духовной Консистории.

Исключительное внимание архимандрит Феофан уделял церковной музыке. Он руководил хором Казанского Спасо-Преображенского монастыря, сам подбирал певчих, сам проводил репетиции. Монастырский хор в те годы достиг такого расцвета, что не уступал архиерейскому. Архиепископ Казанский Амвросий (Протасов; † 1831), который сам был большим любителем пения, нередко «отбирал» у отца Феофана лучших певцов.

Будучи жизнерадостным и общительным по натуре, архимандрит Феофан охотно посещал своих коллег по Семинарии и представителей казанского городского духовенства. По отзывам современников, он «составлял душу семинарского общества. На вечерах и именинах, которые праздновались каждым учителем обязательно, он много пел соло, играл на гуслях. За то же любил его и в казанском обществе» (цит. по: 2, с. 349).

14 ноября 1832 года архимандрит Феофан был назначен настоятелем Московского Донского ставропигиального* монастыря. Вскоре по представлению митрополита Московского Филарета, с которым его связывала многолетняя дружба, он был назначен членом Московской Синодальной конторы и благочинным всех ставропигиальных монастырей.

Архимандрит Феофан пользовался в Москве большим уважением, имя его было весьма популярно. Следует отметить, что он считался одним из лучших в то время проповедников. При жизни архимандрита Феофана вышли в свет его проповеднические труды: «Собрание поучительных слов на Господские и Богородичные праздники» (М., 1841) и «Собрание поучительных слов на воскресные дни», в двух томах (М., 1849). Проповеди отца Феофана отличаются ясностью мысли, богословской глубиной и доступностью. Толкуя Священное Писание, он делал интересные обобщения, говорил ярко и образно, принося большую духовную пользу слушателям. Многие специально приезжали в Донской монастырь, чтобы послушать его проповеди. Но еще больше людей приезжали послушать его хор в Донском монастыре.

Все эти годы архимандрит Феофан продолжал сочинять духовные песнопения, не жалея средств для содержания монастырского хора.

В 1850 году архимандрит Феофан удалился на покой в Нежинский Назарет-Богородичный монастырь Черниговской епархии, а в конце того же года был переведен в Калезинский Макариево-Троицкий монастырь, где он скончался 23 октября 1852 года.

Композиторское наследие архимандрита Феофана обнимает почти весь годовой Круг богослужебного пения. Профессор протоиерей А. П. Смирнов указывал, что в 1902 году ему были переданы келейником архимандрита Феофана В. П. Поляковым восемь томов нотных партитур, содержащих песнопения всенощного бдения, литургии, Постной и Цветной Триодей и почти всех праздников (см. 3). Местонахождение этих партитур, как отмечал профессор Л. Н. Парийский в 1952 году, неизвестно (см. 4, с. 40). Тем не менее до нас дошло довольно много сочинений архимандрита Феофана, кото-

рые изданы (см.: «Церковно-певческий сборник» (т. I — Всенощное бдение, т. II — Литургия). СПб., 1911; «Сборник духовно-музыкальных произведений». Киев, 1915; журналы «Музыка и пение» начала XX столетия; Ирмологий. М.: Изд. Московской Патриархии, 1984).

Нужно отметить, что при жизни архимандрит Феофан не публиковал свои музыкальные произведения, а при переписке церковные регенты очень часто редактировали их по своему усмотрению. Некоторые его произведения широко известны в нескольких редакциях. Многие песнопения отца Феофана печатались и переписывались без указания на его авторство. Некоторые из них надписывались словами «Феофановское», «Киевского распева», «Донское» (что указывает на распев Донского монастыря), другие — именем «Феофан», а иные даже фамилией Григорьев, которой он никогда не носил.

При анализе песнопений архимандрита Феофана нужно учитывать, что его теоретическая подготовка была недостаточной, и по композиторскому мастерству его нельзя сравнивать с Д. С. Бортнянским, протоиереем П. И. Турчаниновым и А. Ф. Львовым. Однако его произведения отличала особенно строгая церковность. Песнопения архимандрита Феофана не отвлекают от молитвы сложностью гармоний, многообразием технических приемов. Он не стремился передать в музыке особые волнения человеческой души, ее страсти, сильные эмоции. Музыка архимандрита Феофана дышит тихим умиротворением молитвы. Его пасхальные песнопения помогают верующему насладиться духовной радостью, а покаянные усиливают покаянное чувство. «Я живо помню,— вспоминает протоиерей А. П. Смирнов,— с каким нетерпением мы, воспитанники Семинарии, дожидались этих пасхальных песнопений в композиции Феофана, без них для нас и Пасха была не полным светлым праздником» (цит. по. 3).

Архимандрит Феофан был глубоко связан с русским и украинским народным искусством. В поисках мелодичности он обращался к русскому Знаменному распеву, однако в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, он не нашел верного подхода к древней мелодии.

Стиль музыкального письма архимандрита Феофана, по мнению профессиональных музыкантов, не отличается богатством и разнообразием гармонических приемов, ему свойственно некоторое однообразие. При всем этом его мелодии радуют своей задушевностью и простотой, они по-своему достаточно выразительны. Так, например, в песнопении *Блажен муж* нельзя не порадоваться очень удачным сопоставлениям простых трезвучий с характерными остановками на субдоминанте и второй ступени, придающими музыке особую мягкость.

В песнопении всенощного бдения *Благослови, душе моя, Господа* привлекает сочетание распевности основной мелодической фразы с речитативностью последующих (хотя этот эффект скрадывается за счет многократного повторения частых остановок на тонике).

Свете Тихий — образец молитвенной проникновенности композитора. Недаром до сих пор в особо торжественных случаях, когда малый вход совершается архиереем, священнослужители поют *Свете Тихий* именно Феофановским напевом. Характерно, что в этом песнопении автор отказывается от искусственного приведения мелодии в соответствие с ритмической симметрией, что, к сожалению, свой-

* Ставропигиальный — монастырь, состоящий в прямом ведении Священного Синода или Патриарха.

ственно в большинстве случаев и ему, и многим другим церковным композиторам.

Рождественские ирмосы на музыку архимандрита Феофана поются во многих храмах, особенно в Москве, часто всеми молящимися. Это одно из лучших его сочинений. Плавная лирическая мелодия, свободная ритмика и ясная гармония способствуют их широкому распространению.

Вероятно, самое известное и наиболее любимое верующими произведение архимандрита Феофана — его *Милость мира*. В этом сочинении особенно ярко проявились характерные черты феофановского стиля, в первую очередь — необыкновенная простота и молитвенность. Интересно, что в современной певческой практике «Феофановская» *Милость мира* часто поется после «Старосимоновской» Херувимской. Действительно, в этих двух песнопениях много общего. Гармоническая основа в обоих случаях представляет собой сопоставление минорной тоники и ее доминанты с тоникой и доминантой параллельного мажора, необычно здесь почти полное отсутствие субдоминантных красок. В мелодиях также обнаруживается близость. Даже характерная русская попевка, представляющая собой четыре постепенно восходящие звука и имеющая большое значение в организации мелодии «Старосимоновской» Херувимской, у архимандрита Феофана дается в прямом обращении. Некоторые мелодические обороты почти идентичны, правда, в Херувимской их больше и они ярче, отчего музыка выигрывает при сравнении с феофановской.

Церковная музыка архимандрита Феофана имела на определенном этапе немаловажное значение. «Своими произведениями, — писал профессор Л. Н. Парийский, — он вытеснял из церковного употребления католическую музыку Санти, Галуппи и их бесчисленных подражателей, из которых многие были даровитее и сильнее его» (4, с. 41).

Характеристика музыкального наследия архимандрита Феофана была бы неполной, если бы мы не коснулись такой важной стороны его творчества, как гармонизация обиходных напевов, над которой он трудился на протяжении всей своей жизни, исполняя завет митро-

полита Платона (Левшина). Музыка архимандрита Феофана строго диатонична, чаще всего он пользуется мажорным ладом, сопоставляя его с параллельным минором. Модуляции и отклонения даже в самые близкие тональности в его музыке чрезвычайно редки.

Здесь следует оговориться, что древние мелодии Знаменного распева, как это становится сейчас все более очевидным, вообще не нуждаются в гармонизации, потому что они по своей природе одноголосны. Искусственными представляются попытки гармонизации этих мелодий на западный лад. Однако влияние западноевропейской музыки на русскую было столь велико, что к XIX веку оказались почти вытеснены исконно русское одноголосие и позднейшие (XVI в.) образцы русского многоголосия — демественное, строчное, путевое и Знаменное. Можно сказать, что и гармонизации архимандрита Феофана носят западный характер, однако он все же ближе к традиционному русскому пению, так как глубоко связан с народным искусством.

И, несмотря на недостатки, присущие, впрочем, всему партесному пению первой половины XIX века, музыка архимандрита Феофана заняла в Русской Церкви достойное место. Многие песнопения архимандрита Феофана за их простоту, молитвенную сдержанность и мелодичность весьма любимы верующими и поются во многих храмах Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. СПб., 1885, т. I.
2. История Казанской Духовной Семинарии за XVIII и XIX столетия / Составил А. Благовещенский. Казань, 1881.
3. Смирнов А. П., протонерей. Архимандрит Феофан, церковный композитор. Казань, 1909.
4. Парийский Л., профессор. Церковный композитор архимандрит Феофан. — Журнал Московской Патриархии, 1952, № 10, с. 38—41.

Г. А.

«...Церковное пение — это выражение духа нашего народа, воспитавшегося и возросшего под влиянием Церкви, которая была пестуном его, чадолюбивой матерью. Но если Церковь оказывала религиозно-нравственное влияние на народ, то и народ вносил многое от своего природного богатства и дарования в недра Православной Церкви в виде мелодий, в которых отображаются глубина и сила его религиозного чувства и вообще его душевные качества. Эти мелодии, то возвышенно-простые, строгие, то нежные, трогательные и умирительные, народ, как лучшее достояние свое, от чистого сердца отдает своей Матери-Церкви. Вот почему эти родные звуки дороги ему как передуманные, пережитые, пережитые им. О многом они говорят русскому человеку: и о былом, и о настоящем, и об ожидаемом в будущем, будят в нем лучшие, благороднейшие порывы, святые чувства любви к вере и родному Отечеству».

Митрополит Арсений (Стадницкий).
